

ТАРХАНОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ

ПОЛЕЗНОСТЬ, ПРИБАВОЧНАЯ ПОЛЕЗНОСТЬ И ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА:
ЗАБЛУЖДЕНИЯ И СЛЕДСТВИЯ

АННОТАЦИЯ

На основе сопоставления представлений о прибавочной полезности и земельной ренте и результатов новых исследований показана несостоятельность умозаключений об исключительности их трудовой природы.

Обосновано, что выявлению сущности обеих экономических категорий в 19 и 20 веке мешала теория о минеральном питании растений. Следование теории привело к практике применения минеральных удобрений, сводимой к применению дополнительного капитала в земледелии, и задержало развитие политической экономии из-за ошибочного представления о производимой экономическим организмом полезности, как субстанции, определяемой трудом человека.

В свою очередь, принятие теории минерального питания за естественнонаучную теорию, привело к задержке выявления природы естественного почвенного плодородия.

Показано, что задержка в преодолении выявленных ошибочных представлений о питании растений и основных категориях политэкономии ведет к усилению кризиса в мировой экономике.

Ключевые слова: прибавочная полезность, земельная рента, пища, теория, Петти, Смит, Маркс, Либих, политэкономия, кризис, преодоление.

TARKHANOV O. V.

THE USEFULNESS, THE SURPLUS USEFULNESS, AND LAND RENT:
MISCONCEPTIONS AND CONSEQUENCES

ABSTRACT

On the basis of a comparison of ideas about surplus utility and land rent and the results of new research, the inconsistency of conclusions about the exclusivity of their labor nature is shown.

It is proved that the identification of the essence of both economic categories in the 19th and 20th century was hindered by the theory of mineral nutrition of plants. Following the theory led to the practice of applying mineral fertilizers, reduced to the use of additional capital in agriculture, and delayed the development of political economy due to the erroneous idea of the utility produced by the economic organism as a substance determined by human labor.

In turn, the adoption of the theory of mineral nutrition as a natural science theory, led to a delay in identifying the nature of natural soil fertility.

It is shown that the delay in overcoming the identified misconceptions about plant nutrition and the main categories of political economy leads to an increase in the crisis in the world economy.

Keywords: the surplus usefulness, land rent, food, theory, Petty, Smith, Marx, Liebig, political economy, crisis, overcoming.

Значение темы определяется не тем, что вплоть до настоящего времени ведутся непримиримые споры о природе (сущности) обозначенных экономических категорий. Это значение определяется необходимостью выявления причин, мешающих пониманию природы этих категорий и мешающих развитию мировой экономики.

Действительно, споры на обозначенную тему ведутся более 140 лет. И это, несмотря на весьма обстоятельные исследования, изложенные Марксом в изданном им первом томе «Капитала» в 1867 г. [1]. Не способствовали решению вопроса и последующие публикации написанных Марксом трех томов «Капитала». Второй и третий том изданы после смерти Маркса под редак-

цией Энгельса, соответственно, в 1885 и в 1894 гг. [2, 3]. Четвертый том издан в начале 20 века (первая часть в 1905 г., вторая часть в 1910 г.) [4].

При этом следует отметить, что публикация «Капитала» не привела к разрешению вопроса не только между марксистами и буржуазными теоретиками. Разногласия возникли и среди марксистов, что подтверждается в работах наиболее последовательного марксиста В.И. Ленина, подвергнувшего критике взгляды марксиста С.Н. Булгакова и иных теоретиков.

Представляется, что истоки причины неразрешенности вопроса могут находиться внутри трудов Маркса.

Исследование обозначенного вопроса будет пред-

ставлено с применением категорий политической экономии в смыслах, обозначенных в статьях [5, 6].

Необходимо отметить, что за восемь лет до труда «Капитал» Марксом была опубликована книга «К критике политической экономии» [7], а несколько раньше в Германии вышла в свет книга немецкого ученого-химика Ю.Либиха [8].

Именно в книге Либиха, как ученого не политэкономиста, было отмечено, что политическая экономия в лице известного теоретика политэкономии Смита пренебрегает естественнонаучными знаниями, добываемыми в науках о природе.

Стало быть, является актуальным выявление причин продолжающегося спора о категориях политической экономии.

Отметим, что в книге «К критике политической экономии» [7] имя Либиха Марксом не упоминается. Из этого следует, что при издании труда [7] (1859 г.), Маркс с работой Либиха еще не был знаком. И это вполне понятно, ибо название труда Либиха как «Органическая химия в приложении к земледелию и физиологии» не имело прямого отношения к политической экономии. Но уже через восемь лет в труде «Капитал» труд Либиха оценивается Марксом весьма высоко.

Исследование

В предисловии к английскому изданию 1886 г. первого тома «Капитала» Энгельс писал: *«Например, классическая политическая экономия определенно знала, что прибыль и рента являются лишь подразделениями, лишь долями той неоплаченной части продукта, которую рабочий должен отдавать своему предпринимателю (который первым присваивает ее, но не является ее последним исключительным собственником). Однако даже классическая политическая экономия не выходила за пределы общепринятых взглядов на прибыль и ренту, никогда не исследовала этой неоплаченной части продукта (которую Маркс называл прибавочным продуктом) в ее совокупности, как целое»* [1, С. 32].

Но продукт, в контексте с политэкономическим смыслом этого понятия, есть материальная субстанция, производимая экономическим организмом. Соответственно с этим, Маркс отнес «прибыль»

и «ренту» к частям производимого продукта. И каждая из этих частей производимого продукта является собой, по мысли Маркса, не просто часть продукта, а является собой «прибавочный продукт».

Но «продукт», как и его прибавочные части в виде «прибыли» и «ренты» сами по себе недостаточны для выявления особенностей функционирования экономического организма. Поэтому Маркс вводит определение: «Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость» [2, С. 43].

А далее Маркс абстрагируется от производителя, сосредотачиваясь на сути описываемой им категории: *«Полезность вещи, ее свойства, благодаря которым она может удовлетворять ту или иную потребность людей, делают вещь потребительной стоимостью. Потребительная стоимость может или непосредственно удовлетворять личную потребность человека или служить средством производства материальных благ. Например, хлеб удовлетворяет потребность в пище, ткань – потребность в одежде; потребительная стоимость ткацкого станка состоит в том, что с его помощью производятся ткани. В ходе исторического развития человек открывает все новые полезные свойства вещей и способы их использования»* [2, С. 46].

Т.о. между производимым продуктом и вещью, как материальным объектом, мы не обнаруживаем разницы. Но зато продукт в контексте последнего размышления отделяется Марксом от производящего субъекта и наделяется абстрактным свойством своего бытия. Этот производимый продукт (вещь) потому производится, что обладает полезным потребительным свойством, т.е. может быть потреблен с целью удовлетворения какой-либо потребности какого-либо субъекта. Стало быть, не просто производство чего-либо является целью того или иного производства. Целью производства является создание продукта, который должен обладать полезными свойствами для потребителя.

Здесь необходимо отметить, что в русскоязычном переводе «Капитала» продукт, предназначенный для потребления, назван «потребительной стоимостью». И это название (в русскоязычном осмыслении) приводит к путанице в понимании сути этой категории, ибо подразумевает, что в данной категории отображается не только полезное свойство, предопределяющее возможность потребления продукта, но и некое имя существительное «стоимость», как понятие, связанное с вопросом «сколько стоит». В результате, возникает ситуация, при которой употребление в речи категории «потребительная стоимость» связывается с вопросом «а сколько стоит «потребительная стоимость?», или «во сколько она обошлась потребителю» и пр., что приводит к недоразумениям в рассмотрении этой категории, как категории, производящейся экономическим организмом.

С целью исключения двусмысленности понимания обозначенной категории, была введена категория «полезность», как понятие, совпадающее со смыслом категории «продукт», производимый экономическим организмом. И эта «полезность», уже как имя существительное экономического порядка, может быть как «потребительной полезностью», так и «меновая полезностью». И обе эти полезности вполне могут быть охарактеризованы и качественно, и количественно в ответе на вопрос: «А чем полезности могут быть измерены и в каком количестве этого «чем»?».

Вместе с тем, для исключения путаницы при сопоставлении категорий по терминологии в русскоязычном переводе «Капитала» и по предлагаемой терминологии, в статье при анализе размышлений Маркса представляется целесообразным сохранение русскоязычной формы категорий «прибавочная стоимость», «меновая стоимость», что облегчит понимание приводимых в статье цитат из русскоязычного перевода «Капитала». И здесь необходимо принять во внимание, что «потребительная стоимость» в контексте размышлений Маркса [2, С. 46] является продуктом, который употребляют либо для удовлетворения жизненных потребностей, либо применяют в производстве. Т.е., и в первом, и во втором случае –

«потребительная стоимость» в русскоязычном переводе обозначает собой материальный объект, а не абстракцию или некую экономическую категорию, которую следует понимать как некий денежный эквивалент. Ведь деньги (в их натуральном виде) нельзя употребить ни для удовлетворения голода, ни в виде сырья или инструмента для изготовления иных полезностей.

Из приводимого ниже размышления относительно основы капитала, Маркс полагает, что «Наличная производительность труда, из которой капитал исходит как из своей основы, есть не дар природы, а дар истории, охватывающей тысячи веков.

Если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, то производительность труда окажется связанной с естественными условиями. Эти последние могут быть целиком сведены к природе самого человека, к его расе и т. п., и к окружающей человека природе. Внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни, следовательно плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, лес, металлы, уголь и т. д.

На начальных ступенях культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях – второй род естественного богатства. Сравните, например, Англию с Индией или – в античном мире – Афины и Коринф со странами на побережье Черного моря» [1, С. 520–521].

Не трудно убедиться, что Маркс, рассматривая общественное производство, вполне однозначно связывает это производство с естественными условиями. И эти естественные условия имеют прямое отношение к производству через их влияние на производительность труда. При этом Маркс полагал, что такое внешнее условие, как «плодородие почвы» (средство жизни) имеет решающее значение «на начальных ступенях культуры», а такие условия, как «лес, металлы, уголь и т.д.» имеют решающее значение «на более высоких ступенях» культуры.

Вполне ясно, что под «ступенями культуры» Маркс понимает ступени развития человечества, в том числе, экономические формации. Стало быть, по Марксу, «почвенное плодородие» имело большее значение для бытия людей при первобытно-общинном строе или даже при феодальном строе, чем при капитализме, а тем более, при социализме и коммунизме.

Но раз это как бы имеет место быть, то при экономическом осмыслении строя «капитализм», как бы отпадает необходимость в исследовании «почвенного плодородия» с естественнонаучной точки зрения, как внешнего природного условия, которое, как полагает Маркс, не может быть связано с производительностью труда на высоких ступенях культуры, включая капитализм. Но каковы основания для этого вывода?

По Марксу основанием этого вывода является начало его рассматриваемого размышления: «Наличная производительность труда, из которой капитал исходит как из своей основы, есть не дар природы, а дар истории, охватывающей тысячи веков» [1, С. 520].

В этой мысли, которую можно было бы принять за обоснование, слова «есть не дар природы, а дар истории», являются утверждением, которое ничем Марксом не обосновывается.

Но раз первое утверждение (о значении плодородия почвы) как бы обосновывается вторым утверждением (не есть дар природы), которое ничем не обосновывается, то первое утверждение не является обоснованным, так как и второе утверждение Маркса ничем не обосновывается.

Т.е. в соответствии с первым законом формальной логики «А не есть не А», второе утверждение – не обосновано. Значит, в соответствии с тем же самым законом логики, первое утверждение так же является необоснованным.

Однако, полагать, что Маркс без каких-либо, хотя бы и не указанных им прямо в рассматриваемой части «Капитала», обоснований мог написать суждение, имеющее важнейшее значение для политической экономии – достаточно опрометчиво. И об этом свидетельствуют два момента:

– Энгельс писал: «Высокую оценку роли естественных наук дал Маркс, когда в подготовительных работах к «Капиталу», относящихся к 1863 г., он отметил, что естествознание «образует основу всякого знания»» [9, С. XIV];

– Маркс отмечал: «Выяснение отрицательной стороны современного земледелия, с точки зрения естествознания, представляет собой одну из бесмертных заслуг Либиха» [1, С. 515].

Здесь необходимо отметить, что сам Маркс не занимался естественными науками, связанными с земледелием. Поэтому, к моменту знакомства с работой Либиха о категории «почвенное плодородие» Маркс о земледелии имел представления не более глубокие, чем сложившиеся у политэкономиста Смита.

Но поскольку почвенное плодородие имеет прямое отношение к земледелию, постольку вывод Маркса о снижении значимости плодородия почвы по мере развития общества, в историческом смысле, связан с исследованиями Либиха.

Так, Либих писал: *«политэкономия, которую создал Адам Смит, уже в течение около сотни лет едва (выделено автором) уделяет внимание более близкому исследованию природы, обилия и длительности этого источника. Она отбрасывает это от себя как нечто, ей не принадлежащее и чуждое, предоставляя другим областям знания заниматься разрешением этих вопросов; между тем эти вопросы являются основой этой науки, так как все законы социальной жизни с ними связаны»* [8, С. 96].

Здесь вполне ясно, что Либих констатирует отсутствие у Смита естественнонаучного исследования категории «почвенное плодородие».

Порицание Либихом Смита вызвано тем, что классик политической экономии писал: «Хорошее состояние возделанной почвы стоит в известном отношении к количеству навоза, который в большинстве случаев получается в самом хозяйстве и зависит от количества скота» [8, С. 96.] или «the quantity of well-cultivated land must be in proportion to the quantity of manure which the farm itself produces» [10, p. 176].

Т.о. Смит не размышлял о возделывании почвы, как о рекомендациях, вытекающих из

каких-либо исследований ученых естествоиспытателей. Он лишь описывал возделывание почвы в категориях, сложившихся в созерцаемой им практике земледелия. Но спустя сто лет после написания Смитом своего труда в изучение природы растений и их произрастания включилось огромное количество естествоиспытателей. И благодаря их исследованиям появились знания о физиологии растений, которые были далеки от их применения в земледелии. Поэтому Либих, опиравшийся на исследования первых физиологов растений, писал: *«Точно так же и сельский хозяин думает, что небольшое количество гуано (выделено автором) может принести его полям настоящую пользу, между тем как применением последнего он лишь ускоряет процесс истощения почвы»* [8, С. 95].

Здесь необходимо напомнить, что под «гуано» Либих как раз мыслил используемый фермером навоз [10, р. 176].

Чем же Либих предлагал заменить навоз, по его мнению, истощавший почву?

Он предлагал заменить навоз минеральными удобрениями. При этом Либих как раз полагал, что внесение в почву минеральных удобрений восстанавливает в почве условия, необходимые для выращивания очередного урожая в земледелии.

К необходимости использования минеральных удобрений вместо навоза Либих шел не один год. Более того, эту замену Либих обосновывал выдвинутой им теорией минерального питания растений. Теория как бы многократно подтверждалась в опытах внесением под растения разных составов удобрений. И к окончательному выводу о необходимости замены навоза минеральными удобрениями Либиха подтолкнули результаты опытов многочисленных исследователей в Европе. Принятие научным сообществом естествоиспытателей теории минерального питания способствовала и Ротамстедская станция (Великобритания, 1843 г.), в которой были опробованы минеральные удобрения, получаемые в промышленных масштабах. Все это не могло не сказаться на позиции ученых Европы в отношении и теории, и практики применения минеральных удобрений. Большинство уче-

ных, современников Либиха, эту теорию приняло, как научно обоснованную.

Чем же явилась теория минерального питания растений в научном смысле?

Во-первых, эта теория возникла как теория естественнонаучного содержания, связанная с земледелием, почвенным плодородием и физиологией растений. Т.е., само направление отождествлялось с достижением естественных наук (физиологии растений, химии) в раскрытии механизма питания растений минеральными солями.

Во-вторых, теория минерального питания растений как бы положительно сказалась на возможности воспроизводить и даже повышать урожайность полей путем использования в земледелии веществ, получаемых промышленными способами. Т.е. способами, лежащими вне природы и легко реализуемыми с помощью капиталистических методов ведения земледелия с привлечением крупного машинного производства.

При таких обстоятельствах, изложение Смитом ведения земледелия (выращивания земледельческой продукции) с помощью навоза выглядело вульгарным и истощающим почву приемом. Поэтому, применение минеральных удобрений по теории минерального питания растений представлялось Марксу вполне научно обоснованным.

Маркс с замечаниями Либиха в адрес Смита, вероятно, согласился. По крайней мере, замечание Либиха в адрес Смита Маркс не подверг критике. Наоборот, именно Маркс, как критик классической политической экономии, первым из политических экономистов 19 века отметил: «Выяснение отрицательной стороны современного земледелия, с точки зрения естествознания, представляет собой одну из бессмертных заслуг Либиха» [1, С. 515].

На фоне признания заслуг Либиха Маркс подвергает уничтожающей критике положения французского ученого, члена сельскохозяйственного общества Леонса де Лаверня. Так, из работы Лаверня [*«Economie Rurale de l'Angleterre»*] (цитируется по английскому переводу, [The Rural Economy of England etc.]) London, 1855)] Маркс приводит цитату: **«Крупная невыгода обыкновенно сопря-**

жена с зерновыми культурами... они истощают почву, на которой произрастают» [3, Т. 25, Ч 2, С. 180].

И далее Маркс пишет: *«Г-н Лавернь не только полагает, что другие растения этого не делают, – он полагает также, что кормовые травы и корнеплоды обогащают землю: «Кормовые культуры получают главные элементы своего роста из атмосферы и возвращают почве больше, чем извлекают из нее; таким образом они двояко – и прямо и вследствие их превращения в навоз – содействуют возмещению вреда, причиненного зерновыми и другими истощающими культурами»* (стр. 50 – 51).

Не удивительно, что г-н Лавернь, веря этим сказкам английского сельского хозяина, верит ему ...» [3, Т. 25, Ч 2, С. 180].

Не трудно убедиться, что слова *«веря этим сказкам английского сельского хозяина»*, вряд ли были бы использованы Марксом без уверенности в их правильности. И это заключение находит свое подтверждение в двух источниках, знакомых Марксу.

О первом из них Маркс узнает, когда пишет работу «Нищета философии» [11].

В этой работе Маркс отмечает: *«Английские землевладельцы XVII века настолько хорошо понимали эту истину, что боролись против успехов земледелия, опасаясь уменьшения своих доходов»*.

И действительно, У. Петти относительно кормовых культур констатирует: *«посевы эспарцета и клевера встречают возражения со стороны землевладельцев, поскольку они понизили бы цены на средства существования»* [12, С. 186].

Вторым источником является книга Либиха [8], в которой изложенную теорию питания растений Маркс весьма высоко оценил. В этой книге, касаясь применения кормовых культур на начало 19 века, Либих писал: *«эти прежде чудодейственные средства уже отказывались действовать, то они ждали получить от естествознания всего лишь маленький кусочек философского камня, чтобы иметь возможность заставить расти вновь клевер или свеклу, горох или бобы, поскольку искусство и опыт, которыми*

они обладали, оказывались уже недействительными» [8, С. 51].

При таких обстоятельствах Маркс вполне мог назвать сведения, изложенные французским ученым Лавернем, *«сказками английского сельского хозяина»*.

Т.о. приведенные размышления Маркса, доказательная часть которых целиком и полностью опиралась на доводы Либиха, позволяют прийти к выводу о том, что Маркс вполне осознанно отвергал участие в производстве земледельческого продукта каких-либо природных особенностей земли.

Тем не менее, вероятно, после ознакомления с трудом Либиха, Маркс выделяет исключительное значение пищи, как продукта земледелия. По его мнению, пища *«является самым первым условием жизни»* [3, Т. 25, Ч. 2, С. 184].

Но производство пищи с учетом ее биологических особенностей и в силу специфики политэкономии, Маркс не изучает. Для него является важным то, что предложил Либих касательно применения минеральных удобрений. Т.е. необходимо было осмыслить в политэкономическом теоретическом смысле вклад Либиха. Поэтому Маркс не останавливается на простом следовании учению Либиха. Он рассматривает земледелие, не как специфическую отрасль производства продукта (пищи), а как политэкономическую абстракцию, которая вполне может быть представлена через отношение собственности к земледельческим средствам производства. И таким земледельческим средством в земледелии, по представлениям политэкономистов, является земля. Другими словами, в экономическом организме производства пищи, а это следовало из многовековой истории земледелия, в представлении политэкономистов (от Гесиода до классиков политэкономии) участвует «земля», как конкретный и вполне осязаемый в материальном и экономическом смысле объект. И у этого объекта есть конкретный пользователь – земледелец. Но с развитием представлений об экономической деятельности на земле, эта земля, в широком смысле, не может быть сведена только к выращиванию пищи. Ведь тот или иной участок земли можно использовать не обязательно для выращивания

пищи. Наоборот, в виду особенностей различных участков земли, ее можно использовать сообразно с теми особенностями, которые неотрывны от конкретного участка земли:

- например, на участке земли в 1 км² имеется месторождение нефти или любого иного полезного ископаемого. В этом случае, этот конкретный участок земли может быть использован для создания производства по добыче полезного ископаемого;
- для случая нахождения на этом участке большого озера, этот участок земли можно использовать для разведения водоплавающей птицы (уток, гусей) или рыбы;
- но если на этом участке имеется горный массив с наличием водопада, то этот участок земли (с водопадом) можно использовать для получения механической энергии для ткацких, металлообрабатывающих и иных станков, применяемых на соответствующем промышленном предприятии для производства разных полезностей (стоимостей).

Вполне ясно, что при таком подходе к земле, как к средству производства, использование этой земли, в политэкономическом смысле, сводится к категории «капитал». И этот капитал участвует в производстве любых полезностей (стоимостей) не благодаря неким природным особенностям участков земли, а только сугубо в экономическом смысле – во всех перечисленных случаях земля участвует как средство производства, обходящееся капиталисту (по Марксу) затратами на арендную плату собственнику земли.

В обозначенном смысле Маркс писал: «...для целей нашего анализа достаточно иметь в виду земельные продукты или также продукты рудников, – следовательно, что продукты земли или рудников, подобно всем другим товарам, продаются по ценам их производства. То есть их продажные цены равны издержкам их производства (стоимости потребленного постоянного и переменного капитала) плюс прибыль, определяемая общей нормой прибыли, исчисляемая на весь авансированный капитал» [3, Т. 25, Ч. 2, С. 190].

Т.о. для Маркса, хотя пища и является «первым условием жизни», но эта пища как продукт земли, по Марксу «подобна всем другим товарам», включая «продукты рудников». Поэтому Маркс полагает, что «...вопрос заключается в том, каким образом при этом предположении может образоваться земельная рента, то есть каким образом часть прибыли может превратиться в земельную ренту, а потому часть цены товара может достаться земельному собственнику» [3, Т. 25, Ч. 2, С. 190].

Исходя из тождества производства разных продуктов с участием особенностей разных участков «земли», Маркс пишет: «Чтобы показать общий характер этой формы земельной ренты, предположим, что подавляющее большинство фабрик в известной стране приводится в движение паровыми машинами, а определенное меньшинство – естественными водопадами» [3, Т. 25, Ч. 2, С. 190].

В приведенных размышлениях Маркса четко прослеживается мысль о том, что для политической экономии, по его мнению, нет политэкономической разницы в рассмотрении производства «продуктов рудников» или производства «продуктов земледелия». Но он это мнение не обосновывает. Более того, в последующем Маркс не рассматривает собственно производство сельскохозяйственного продукта, а подробно останавливается на производстве промышленных продуктов с использованием некоего водопада, как естественной силы земли, принадлежащей собственнику.

Для этого случая Маркс обосновывает: «...большая производительная сила (труда) обнаруживается в том, что для производства той же массы товаров требуется меньшее количество постоянного капитала, меньшее количество овеществленного труда, чем на других фабриках, да кроме того требуется и меньшее количество живого труда, так как водяное колесо не нуждается в топке» [3, Т. 25, Ч. 2, С. 192].

А далее Маркс весьма доходчиво объясняет: «Какому обстоятельству обязан фабрикант в данном случае своей добавочной прибылью, то есть тем избытком, который дает ему лично цена производства, регулируемая общей нормой прибыли?»

В первую очередь – естественной силе, двигательной силе водопада, который дан природой и этим отличается от угля, который превращает воду в пар и который сам есть продукт труда, поэтому имеет стоимость, должен быть оплачен эквивалентом, стоит определенных издержек. Водопад – такой естественный фактор производства, на создание которого не требуется труда» [3, Т. 25, Ч. 2, С. 193].

В этом размышлении последняя констатация Маркса весьма важна. Ведь очевидно, что при замене парового колеса на водяное колесо издержки действительно уменьшаются. И в силу этого, растет прибавочный продукт, присваиваемый фабрикантом. Но этот рост происходит не благодаря специфике водопада, а только благодаря уменьшению издержек. И хотя водопад – естественный фактор, но в создании продукта ЕСТЕСТВО водопада никак не участвует, ибо участвуют только уменьшившиеся издержки в виду уменьшения затрат из-за меньшей стоимости энергии водопада по сравнению со стоимостью энергии от сжигания угля.

А раз это так, то Маркс вполне логично писал: «Причина добавочной прибыли кроется здесь, следовательно, в самом капитале (включая и приводимый им в движение труд), – или в различиях величины применяемого капитала, или же в более целесообразном способе его применения, – и, если рассматривать дело само по себе, нет никаких препятствий к тому, чтобы весь капитал в известной сфере производства применялся таким же способом» [3, Т. 25, Ч. 2, С. 195].

Тем не менее, Маркс пишет: «Не от капитала зависит вызвать к жизни это естественное условие повышенной производительной силы труда, подобно тому, как {*} каждый капитал может воду превратить в пар. Это естественное условие встречается в природе лишь местами, и там, где его нет, его невозможно создать при помощи определенной затраты капитала. Оно связано не с продуктами, создаваемыми трудом, как машины, уголь и т.д., а с определенными природными условиями определенной части земли. Фабриканты, которым принадлежат водопады, не допускают фабрикантов, у которых нет водо-

падов, к применению этой естественной силы, так как земли – и тем более земли с источниками водяной силы, – ограничены» [3, Т. 25, Ч. 2, С.196]. (* - проставлено автором. Здесь, вероятно, пропущена частица «не»).

В силу изложенного Маркс, вполне обоснованно приходит к выводу: «сила природы – не источник добавочной прибыли, а лишь ее естественный базис, которым она служит, будучи естественным базисом исключительно высокой производительной силы труда. Так и вообще потребительная стоимость – носитель меновой стоимости, а не ее причина» [3, Т. 25, Ч. 2, С. 197].

Но с этим выводом Маркса можно согласиться только для рассмотренной им силы природы, которая, в данном случае, представлена в виде водопада, как атрибута земли, принадлежащей землевладельцу.

Далее Маркс констатирует, что «...простое повышение производительной силы труда вследствие использования водопада лишь понизило бы цену товаров, производимых при помощи водопада, но не повысило бы прибыли, заключающейся в этих товарах, – совершенно так же, как, с другой стороны, эта повышенная производительная сила труда вообще не превращалась бы в прибавочную стоимость, если бы капитал не присваивал себе производительную силу **применяемого им труда** (выделено автором), как естественную, так и общественную» [3, Т. 25, Ч. 2, С. 198].

Не трудно убедиться, что если первая часть констатации связана с уже рассмотренной им роли водопада, то вторая часть связана с категорией «труд», исключительная роль которого в создании прибавочного продукта Марксом нигде ранее не была обоснована. Следовательно, эта часть констатации на данном этапе размышлений Маркса не может быть принята в качестве обоснованной.

Далее Маркс писал: «В-четвертых: земельная собственность на водопад сама по себе не имеет никакого отношения к созданию прибавочной стоимости (прибыли), а потому и вообще цены товара, который производится с помощью водопада. Эта добавочная прибыль существовала бы и в том случае, если бы не было никакой земельной собствен-

ности, если бы, например, земля, принадлежностью которой является водопад, использовалась фабрикантом как земля, не имеющая хозяина. Следовательно, земельная собственность не создает той части стоимости, которая превращается в добавочную прибыль, а лишь дает земельному собственнику, собственнику водопада, возможность переложить эту добавочную прибыль из кармана фабриканта в свой собственный. Земельная собственность – причина не создания этой добавочной прибыли, а ее превращения в форму земельной ренты, следовательно, присвоения этой части прибыли или цены товара собственником земли или водопада» [3, Т. 25, Ч. 2, С. 198].

Эти размышления Маркса бесспорны. Но мысль Маркса о «форме земельной ренты» «собственника земли или водопада» не является корректной. Это связано с тем, что природа водопада (источник энергии) и природа плодородной земли (способность к производству пищи) – не совпадают по своей сущности. Стало быть, плата за водопад и плата за пользование плодородной землей не могут быть сведены к одной природной базе, поскольку имеют разные исходные основания (предикаты). Другое дело, сопоставление издержек по плате за энергию пара и за энергию падающей воды водопада.

Уже в силу приведенных обоснований, земледелие, как производство пищи, не может быть сведено к производству не пищевых товаров, хотя оба вида производства приносят некий прибавочный продукт, который может быть превращен в прибыль фермера, прибыль фабриканта, а через договор об аренде, в плату землевладельцу.

Вероятно, такое различие явилось причиной обращения Маркса к теме о земледелии. Но это произойдет через двадцать одну страницу после критики французского исследователя Лаверня (приведено выше [3, Т. 25, Ч. 2, С. 180]).

Маркс пишет: «Помимо климатических и тому подобных моментов, различие в естественном плодородии обуславливается различием химического состава верхнего слоя почвы, то есть различным содержанием необходимых для растений питательных веществ» [1, С. 202].

И далее: «Однако два земельных участка с одинаковым химическим составом почвы, и в этом смысле, одинакового естественного плодородия, могут быть различны по своему действительному эффективному плодородию в зависимости от того, находятся ли эти питательные вещества в более или менее усвояемой форме в зависимости от формы, которой определяется большая или меньшая непосредственная пригодность этих веществ для питания растений» [3, Т. 25, Ч. 2, С. 202].

Здесь необходимо отметить, что нигде ранее до этой констатации, у Маркса не встречались мысли об одинаковом естественном плодородии земельных участков с различным эффективным плодородием с привязкой плодородия к форме усвояемости питательных веществ, находящихся в почве. Ничего подобного не было и в труде Лаверня, опубликованного в Лондоне в 1855 г. под названием «The Rural Economy of England etc.», критика которого Марксом приведена выше [3, Т. 25, Ч. 2, С. 180].

Причем, в приведенном выше тексте Маркса о питательных веществах, усвояемых растениями из почвы, не приведены ссылки на источники.

Однако, вполне ясно, что без ссылок на источники о питательных веществах, невозможно определить автора этих строк и установить степень соответствия этих размышлений требованиям научности.

Правда, уже на странице 212 третьего тома «Капитала», изданного под редакцией Энгельса, пишется: «(К этим трем пунктам привести потом дальнейшие цитаты, а также данные о различии в плодородии различных частей возделываемой земли в стране.)» [3, Т. 25, Ч. 2, С. 212]. Но текст, взятый в круглые скобки, написан Марксом. В то же время, как известно, третий том «Капитала» не был доведен Марксом до готовности к публикации. Поэтому, с учетом указанного в круглых скобках, ясно, что Маркс планировал, но не успел привести ссылки, а Энгельс не смог разобраться в источниках по черновикам Маркса и слишком большой перегрузке по редактированию третьего тома. Действительно, третий том был издан Энгельсом за год до его смерти, когда ему исполнилось 74 года.

В таком возрасте невозможно восполнить то, что Маркс в 50-летнем возрасте должен был сделать в рукописи третьего тома «Капитала».

Поэтому, придется предположить, что мысли о питательных веществах Маркс внес в рукопись после ознакомления с трудом Либиха.

Действительно, Либих, размышляя о питании растений, писал: *«почва для того, чтобы быть плодородной для культурных растений, прежде всего, должна содержать в достаточном количестве нужные этим растениям питательные вещества. ...»* [8, С. 289]. И далее: *«... питательные вещества принимают форму, в которой они оказываются способными переходить в растение под действием слабых притяжений или, как обыкновенно говорят, становятся усвояемыми для растений ...»* [8, С. 290].

Сопоставляя текст о питательных веществах по третьему тому «Капитала» с цитатами из книги Либиха, мы убеждаемся, что Маркс описывал почвенное плодородие в соответствии с терминами размышлений, изложенных химиком Либихом.

Либих, являясь представителем естественнонаучного направления, в качестве реализации результатов своих исследований, для восстановления почвенного плодородия предлагал вносить в почву химические вещества из сторонних источников.

Учитывая это, Маркс, принимая учение Либиха за естественнонаучное достижение при объяснении плодородия, вполне обоснованно абстрагировал прием внесения минеральных удобрений до экономически описываемого действия. Он писал: *«Поэтому, хотя плодородие и является объективным свойством почвы, экономически (выделено автором) оно все же постоянно подразумевает известное отношение – отношение к данному уровню развития химических и механических средств агрикультуры, а потому и изменяется вместе с этим уровнем развития»* [3, Т. 25, Ч. 2, С. 203].

Другими словами, если объяснять плодородие (по Либиху) содержанием в почве минеральных веществ, то, но уже по Марксу, это плодородие определяется уровнем развития «химических и механических средств», а значит, роль плодородия в древности была больше, чем в более поздние

эпохи. При этом, участие плодородия, которое при посредстве минеральных удобрений как бы становится естественной силой в производстве пищи, сводится к легко учитываемым в земледелии издержкам производства, определяемым затратами на приобретение минеральных удобрений.

Но ранее Маркс обосновал, что применение водопада, хотя и относится к использованию естественного фактора, лишь снижает издержки по сравнению с паровой машиной, но сам водопад не принимает никакого сущностного природного участия в производстве промышленного прибавочного продукта.

То, практика по теории Либиха и ее экономическая оценка Марксом показали, что применение химических удобрений относится к такому же участию «плодородия по Либиху» в создании прибавочного продукта в земледелии, как и неучастие природы водопада в производстве промышленного продукта. Стало быть, мысль Маркса: «Наличная производительность труда, из которой капитал исходит как из своей основы, есть не дар природы, а дар истории, охватывающей тысячи веков» [1, С. 520], - получает свое обоснование в третьем томе «Капитала». И это обоснование является следствием отождествления процесса производства промышленного продукта с использованием водопада, как атрибута земли, с производством земледельческого продукта с использованием минеральных удобрений, как фактора воспроизводства плодородия.

При этом вполне ясно, что экономическое отождествление водопада с плодородием было бы невозможным без теории Либиха о минеральном питании, приведшей к пониманию почвенного плодородия не как естественного явления, а как следствия наличия в почве питательных веществ в усвояемой для растений форме.

Однако мы знаем по разобранным выше положениям Либиха [8, С. 96 и 10, р. 176], что Либих критиковал Смита за описание земледелия, в котором, по мнению Либиха, не учитывается научное представление о плодородии.

Маркс же описывал земледелия уже с использованием теории Либиха о минеральном питании

растений. Поэтому можно полагать, что источником «Капитала», как учения Маркса, являются не только классическая буржуазная политэкономия, французский утопический социализм и немецкая классическая философия, но и классическое учение Либиха о минеральном питании растений.

В этом случае остается не ясным, что Марксу могло помешать изданию третьего тома «Капитала», если его экономическая оценка применения минеральных удобрений для воспроизводства плодородия при наличии как бы естественнонаучного обоснования Либиха плодородия, как мы убедились, вполне обоснована?

Таким препятствием могло быть наличие сомнений, которые всегда сопровождают творчество пытливого ученого. А Маркс был именно таким ученым, о чем свидетельствует необычайно широкий круг вопросов, рассматриваемых Марксом.

Сами сомнения не обязательно должны были фиксироваться в виде пометок в чем-либо. Эти сомнения могли быть связаны с обстоятельствами, при которых приводились сведения упоминаемых Марксом ученых, или в самих реакциях, форма которых не соответствовала принятой в науке методологии.

Так, мы уже знаем, что Маркс, отрицательно оценил данные французского ученого Леонса де Лаверня о полезности бобовых растений, опираясь, как показано выше, на сведения Петти и обоснования Либиха.

Однако, Петти (в 1662 г.) ссылаясь на мнения землевладельцев. Стало быть, его мнение не могло быть более авторитетным и более актуальным для Маркса, чем мнение Лаверня, который привел данные в 1855 г., т.е. через 190 лет после мнения Петти и 15 лет после издания книги Либихом. При этом, Либих не вообще отрицал некий эффект от применения бобовых, а только то, что «эти прежде чудодейственные средства уже отказывались действовать» при повторном применении. Стало быть, выращивание бобовых приносило положительный эффект хотя бы при первом их применении.

Другими словами, не совсем однозначные данные Петти, Либиха и явно более свежие данные Лаверня не могли не быть причиной сомнений Маркса относительно единственной возможности обогащать землю (восстанавливать плодородие) с помощью минеральных удобрений.

Здесь необходимо вспомнить, что при рассмотрении природы прибавочного продукта в земледелии, Маркс пришел к выводу, что: *«Земельная собственность – причина не создания этой добавочной прибыли, а ее превращения в форму земельной ренты, следовательно, присвоения этой части прибыли или цены товара собственником земли или водопада»* [3, Т. 25, Ч. 2, С. 198].

В этом выводе – два независимых друг от друга смысловых фрагмента.

Первый связан с тем, что Маркс не обнаружил участия института «земельная собственность» в создании добавочного продукта, а значит, в соответствии с логикой и здравым смыслом, не нашел участия этой «земельной собственности» в создании добавочной прибыли, как денежного эквивалента добавочного продукта.

Второй фрагмент связан с использованием слов «земельная рента», смысл которых не совпадает со смыслом иных словосочетаний с использованием слова «рента», примененных родоначальником политической экономии Петти.

Поэтому, для осмысления этого вывода Маркса, нам придется вникнуть в специфику применения слова «рента» политэкономом Петти. Из работы Петти следует, что слово «рента» в его время применялось в нескольких значениях. Так, он писал об «отступных рентах», «ренте, из которой могут покрываться государственные расходы», «денежной ренте, называемой процентом (*usury*), так и ренте с земель и домов», упоминал «естественную и истинную земельную ренту», «обычную ренту» [12, С. 33 – 34].

Дополнительно к приведенным сведениям, необходимо учесть, что к началу 17 века в Англии по данным историка Томаса Уилсона (1569 – 1629), земледелие велось так называемыми «йоменами» [13]. Под йоменами понимались крестьяне,

которые «свободно владели землёй», т.е. вели земледелие на землях, которыми владели сами крестьяне.

Приводимые ниже размышления Петти относятся к ренте, образующейся у йомена, т.е. крестьянина, который вел хозяйство на земле, находящейся в его свободном владении.

Так, в «Трактате о налогах и сборах» (1662 г.) Петти писал: *«13. Допустим, что кто-нибудь может собственными руками возделывать, окопать, вспахать, взборонить, засеять, сжать определенную поверхность земли и, как этого требует земледелие, свезти, вымолотить, вывезть хлеб, на ней выросший, и допустим, что он располагает достаточным запасом семян, чтобы засеять поле. Если он из жатвы вычтет зерно, употребленное им для обсеменения, а равно и все то, что он потребил и отдал другим в обмен на платье и для удовлетворения своих естественных и других потребностей, то остаток хлеба составляет естественную и истинную земельную ренту этого года; и среднее из семи лет, или вернее, из того ряда лет, в течение которого недороды чередуются с урожаем, даст в виде зернового хлеба обычную ренту»* [12, С. 34].

Из этого вполне ясно понимаемого размышления Петти следует, что прибавочный продукт, полученный земледельцем как среднее в течение нескольких лет с одного и того же участка земли, есть не что иное, как обычная земельная рента. И эта «обычная рента» есть не что иное, как прибавочный продукт, который, в виду его усреднения за несколько лет, можно назвать обычным прибавочным продуктом. И этот прибавочный продукт земледелец может превратить на рынке для самого себя в сумму денег, которую, как уже денежную форму прибавочного продукта, можно назвать обычной денежной рентой. Т.е. такой рентой, которая создается в земледелии. И эту обычную денежную ренту крестьянин оставлял себе.

Т.о. из изложенного факта следует, что в описанном земледельческом хозяйстве создавался обычный прибавочный продукт и его обычная денежная форма в виде обычной денежной ренты.

И обе эти формы прибавочной полезности, как продукта экономического организма, никак не связаны с некими производственными отношениями, ибо земля находится в свободном пользовании самого земледельца.

Другим свидетельством возможного наличия сомнений у Маркса является его отношение к соответствующим фрагментам книги экономиста Смита [10].

Так, Маркс цитирует Смита: «Никакой другой капитал, равный по размерам, не приводит в движение большего количества производительного труда, чем капитал фермера. Ибо не только его рабочие-батраки, но и его рабочий скот являются производительными работниками». (Приятный комплимент для рабочих!) «В земледелии вместе с человеком работает также и природа, и хотя *ее работа не требует никаких издержек*, ее продукт обладает своей стоимостью точно так же, как и продукт наиболее дорогостоящих рабочих» [2, С. 405].

В этом суждении Смита – препятствие и, одновременно, путь к разгадке сущности производства земледельческого продукта. От острого взгляда Смита не ускользает факт участия скота в производстве продукта (не людей, что отражает ЭНГЕЛЬС в фигурных скобках). Но ведь скот, в данном случае, выступает как природный фактор. Отмечает Смит и участие природы в создании продукта. Однако, по факту описания земледелия, ставшего в голове Смита некоей абстрактной экономической категорией «ПРОИЗВОДСТВО», в этом производстве ПРИРОДА работает (Смит смотрит и не видит, не хватает знаний) как бы без потери своей силы. Но, тем не менее, как это интуитивно констатирует Смит, *«ее (природы) продукт обладает своей стоимостью точно так же, как и продукт наиболее дорогостоящих рабочих»*. Но Смит не может, как и Маркс с Энгельсом, пойти дальше, чтобы выявить в действиях ПРИРОДЫ сущность причины ее участия в созидании полезности (продукта). Ведь издержек то, по факту бухгалтерского учета, НЕТ. В то время, как издержки в работе природы были. Именно эти «природные издержки» – отразились в затратах земледельцев

при переезде на новые земельные участки и даже в другие страны (шотландцы в Америку, Австралию, Канаду).

Далее Маркс продолжил цитирование Смита: «В земледелии наиболее важные работы имеют своей целью не столько увеличить естественное плодородие природы, – хотя они делают и это, – сколько направлять его *на* производство растительных продуктов, наиболее полезных для человека. Поле, заросшее терновником и кустарником, довольно часто может дать такую же массу растительного продукта, как и виноградник или пашня, возделанные самым тщательным образом. Посев и обработка почвы часто не столько пробуждают, сколько направляют активное плодородие природы и после всех трудов земледельца значительная часть труда всегда остается *на* долю природы. Поэтому рабочие и рабочий скот (!), занятые в земледелии, воспроизводят не только стоимость, равную стоимости их собственного потребления или стоимости капитала, дающего им занятие вместе с прибылью его владельца, как это мы видели у мануфактурных рабочих, но и гораздо большую стоимость. Сверх капитала фермера и всей его прибыли они регулярно воспроизводят ренту землевладельца. Эту ренту можно рассматривать как продукт тех сил природы, пользование которыми землевладелец за определенную плату предоставляет фермеру. Она выше или ниже в зависимости от предполагаемой величины этих сил или, другими словами, от предполагаемого естественного или искусственно созданного плодородия земли. Она – продукт природы, остающийся после вычета и возмещения всего того, что можно признать делом рук человеческих. Она редко бывает меньше четвертой части, а часто превышает третью часть всего продукта. Одинаковое количество производительного труда, примененного в мануфактурах, никогда не даст такого большого воспроизводства. В мануфактурах природа не делает ничего, – все делает человек; и воспроизведенный продукт всегда должен быть пропорционален размерам действующих сил, создающих его.

Таким образом, капитал, вложенный в земледелие, не только приводит в движение большее

количество производительного труда, чем таких же размеров капитал, вложенный в мануфактуру, но и прибавляет, пропорционально количеству применяемого им производительного труда, гораздо большую стоимость к годовому продукту земли и труда страны, к действительному богатству и доходу ее жителей» (книга II, гл. V, стр. 242) [2, С. 405 – 406].

Из приведенного текста вполне ясно следует, что Смит обозначал прямое участие естественного объекта (земли) в создании прибавочного земледельческого продукта на равных с трудом человека.

Более того, Смит прямо утверждает, что капитал, приложенный к земледелию, приносит гораздо больший прибавочный продукт (в натуральном и стоимостном выражении), чем такого же размера капитал, приложенный к мануфактуре.

Однако Маркс, приводя цитату из труда Смита, не критикует Смита в духе, как он это произвел в отношении сведений французского ученого Лаверня.

Но ведь как Смит, так и Лавернь, говорили о земледелии в близких смыслах – земля приносит прибавочный продукт (Смит) и у земли может восстанавливаться присущая ей производительная сила (Лавернь). А из этого следовало, что земля обладает каким-то естественным природным свойством, не известным человеку в 19 веке.

Но если это так, то теория Либиха и предложенные им минеральные удобрения не относятся к разгадке сущности природного (естественного) свойства плодородия. Стало быть, Маркс имел все основания сомневаться в правильности оценки вклада Либиха в выявление природы плодородия. И вследствие этого, можно полагать, что у Маркса не было полной уверенности в правильности своего вывода о том, что плодородие играет бóльшую роль в производительности труда на ранних исторических этапах развития культуры, чем на поздних этапах ее развития,

Это сомнение, которое не могло не возникнуть в голове Маркса, в виду не устранения этого сомнения должным (научным) способом, так же могло явиться одной из причин незавершенности работы

Маркса над вторым, третьим и четвертым томами «Капитала».

Есть и другая причина, объясняющая не издание Марксом трех последних томов «Капитала». Эта причина зафиксирована самим Марксом.

Так, Маркс писал: *«Но каким образом земля может создать стоимость, то есть общественно определенное количество труда, да еще именно ту особую часть стоимости ее собственных продуктов, которая образует ренту? Земля служит фактором производства известной потребительной стоимости, известного материального продукта, например пшеницы. Но она не имеет никакого отношения к производству стоимости пшеницы»* [3, часть вторая, С. 383].

В поставленном Марксом вопросе вполне ясным является момент о том, может ли земля создать стоимость, под которой Маркс на протяжении всех четырех томов «Капитала» подразумевал «общественно определенное количество труда». Иными словами, Маркс полагал, что в создании продукта принимает участие лишь труд. Отсюда понятие «трудовая теория стоимости». Стало быть, вопрос: «На чем основана уверенность Маркса в исключительной роли труда при создании продукта и его прибавочной части?», является актуальным, ибо так считал Маркс до проводимых им исследований природы создаваемого в земледелии продукта и до получения им исчерпывающих доказательств об исключительной роли труда в создании стоимости.

При поиске ответа на поставленный вопрос необходимо принять во внимание, что нет ничего более убедительного для любого человека, чем его собственный опыт.

Для Маркса таким опытом было его творчество и условия, при которых это творчество осуществлялось.

Как оказалось, истоки этой уверенности восходят к работе Маркса «Нищета философии» [11]. В ней Маркс пишет: «Первый сознательный, почти тривиально ясный анализ меновой стоимости, сводящий ее к рабочему времени, мы находим у человека Нового Света... Этот человек –

Бенджамин Франклин, который в своей первой юношеской работе, написанной в 1729 г. и напечатанной в 1731 г., сформулировал основной закон современной политической экономии...: *«Так как», – говорит он, – «торговля вообще есть не что иное, как обмен труда на труд, то стоимость всех вещей наиболее правильно оценивается трудом»*» [11, С. 42].

Здесь важными являются два факта:

- к моменту написания Франклином работы, на которую ссылается Маркс, Адаму Смиту исполнилось всего шесть лет от роду;
- а всего через год после оценки вклада Франклина двадцати девятилетнему Марксу и Энгельсу на II съезде «Союза коммунистов» в Лондоне, президиум съезда поручил написать «Коммунистический манифест», изданный в 1848 г.

Этих двух фактов вполне достаточно, чтобы понять, что опыт познания Маркса и его признание в качестве лидера-теоретика мирового коммунистического движения навсегда связали его мышление с мерой всех вещей в виде ТРУДА. Поэтому, несмотря на имевшиеся на этом пути сомнения, Маркс до конца своих дней искал обоснование своему убеждению о том, что только труд является мерой создаваемых в производстве продуктов.

Поэтому Маркс после вердикта; «Но она (земля) не имеет никакого отношения к производству стоимости пшеницы» [3, часть вторая, С. 383]», пишет *«Поскольку в пшенице представлена стоимость, пшеница рассматривается лишь как определенное количество овеществленного общественного труда, совершенно независимо от особого вещества, в котором представлен этот труд, или от особой потребительной стоимости этого вещества»* [3], но не объясняет, почему пшеницу надо рассматривать *«как определенное количество овеществленного общественного труда»*.

Далее Маркс полагает, что такое представление *«не противоречит тому, что 1) при прочих равных условиях дешевизна или дороговизна пшеницы зависит от производительности земли. Производительность земледельческого труда связана с природными условиями, и в зависимости от про-*

изводительности последних одно и то же количество труда бывает представлено в большем или меньшем количестве продуктов, потребительных стоимостей» [3].

Однако почему это происходит, Маркс в п. «1») не объясняет, но в рукописи, опубликованной Энгельсом, указывается на возможное обоснование, которое, вероятно, должно было быть приведено в п. «2)»: «Стоимость представлена в потребительной стоимости; а потребительная стоимость есть условие созидания стоимости; но глупо делать противопоставление там, где на одной стороне стоит потребительная стоимость, земля, а на другой стороне – стоимость, и притом еще особая часть стоимости. 2) {Здесь рукопись обрывается.}» [3, часть вторая, С. 383].

В приведенной выписке фраза «здесь рукопись обрывается», взятая в фигурные скобки, написана Энгельсом. А цифра «2») не взята в фигурные скобки. Стало быть, цифра «2») написана Марксом. И это обозначает, что Маркс размышления по п. «1») счел недостаточными для обоснования неучастия земли, в создании пшеницы, как продукта земледелия. И здесь нет никаких возможностей не согласиться с мнением Маркса, зафиксированным им собственноручно.

Поскольку в течение последних ста лет не утихают споры о природе продукта, то вскрытие природы производимого в земледелии продукта остается актуальной.

Исследования по этой теме позволили установить, что производимый в земледелии продукт (полезность, стоимость) в виде урожая «У» сельскохозяйственных культур, включая пшеницу, определяются производением безразмерных факторов и величиной урожайности «у» с единицы площади «S» земельных угодий [14]:

$$У = у \cdot S \cdot \Phi_1 \cdot \Phi_2 \cdot \dots \cdot \Phi_n$$

Среди этих факторов в виде безразмерных величин Φ_n (отношение текущего значения к максимально возможному значению материального фактора) входят фактор труда, фактор почвенного плодородия, фактор посевного материала и иные

факторы, максимальная величина каждого из которых в идеальном случае равна «Единице».

Полученное выражение позволяет утверждать, что производимый в земледелии продукт одинаковым образом определяется как трудом, так и почвенным плодородием, и рядом иных факторов, приведенных к безразмерной их форме. Так, при снижении текущей величины плодородия по отношению к максимально возможной (фактор меньше единицы), урожай будет меньше, хотя труд на посев затрачен в том же самом размере.

Новые исследования позволили выявить и природу естественного почвенного плодородия. Эта природа определяется не физико-химическим составом почвы, как полагали Либих, а круговоротом органического вещества и взаимодействием биоты почвы с поступающим в почву органическим веществом [15 ÷ 18].

Из результатов проведенных исследований следует, что теория Либиха о минеральном питании не соответствует природе процессов, происходящих в почве. Стало быть, теория Либиха ошибочна, не раскрывает явления перехода в почве питательных веществ из нерастворимой формы в усвояемую для растений форму, и несколько переоценена Марксом, как «бессмертный вклад Либиха».

Приведенные обоснования позволяют утверждать:

- в исследовании «Капитал» не вскрыта природа продукта (полезности, стоимости), производимого в земледелии, а трудовая природа продукта не доказана. Вместе с тем, современное состояние экономики стран капитализма подтверждает вывод Маркса о том, что капитализм является оковами на пути развития производительных сил, а частная собственность не имеет сущностного отношения к прибавочному продукту;
- исследования почвы на предмет происходящих в ней явлений и экономического организма «земледелие» позволили установить, что земля не является основным средством производства в сельском хозяйстве. Таким средством в сельском хозяйстве является

- «почвенное плодородие», суть естественного механизма которого заключается во взаимодействии биоты почвы с имеющимся в почве органическим веществом, величина траты которого в процессе выращивания растений определяет его износ [19];
- мнение Маркса о том, что значение плодородия почвы снижается в ходе исторического развития культур, опровергалось наблюдениями Смита, Лаверня, Либиха;
 - теория Либиха, как четвертая составляющая марксизма, явилась препятствием на пути развития политической экономии с 1867 г. Вытекающая из этой теории практика применения минеральных удобрений привела к гибели СССР и обострению в мире экономических проблем [20];
 - естественное почвенное плодородие, как и излучение Солнца, является важнейшим для жизни людей фактором, игравшим и играющим ключевую роль в производстве пищи, безопасной для людей. И роль эта не уменьшается на всем протяжении развития человечества. Пониманию этого мешают заблуждения, следствием которых явилось тяжелое состояние мирового сельского хозяйства, характеризующегося катастрофическим снижением естественного почвенного плодородия из-за применения минеральных удобрений. Это привело к вырождению нормальных растений и их замене ГМО растениями, замене естественного молока и мяса на искусственные. В результате, иммунитет организма людей снизился. Как следствие, наблюдается рост раковых и иных заболеваний. Особая опасность выявилась у инфекционных заболеваний, вызываемых патогенными микробами, вирусами и прионами. Это привело к росту цен на пищу, к бегству крестьян из деревень, к снижению рождаемости, усугублению экономического кризиса и приближает человечество к голоду и войнам за оставшиеся плодородные земли.
 - преодоление кризиса возможно через очищение науки от заблуждений [21].

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. Т. 23. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. Т. 24. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. Т. 25, Ч. 1, Ч. 2. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1961
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. Том 26. Ч. 1. Ч. 2. – Москва: Политиздат, 1962.
5. Тарханов О.В. Политическая экономия: термины и определения // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2020. – № 1 (29). – С. 95–103.
6. Тарханов О.В. Экономический организм: факторы производства // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2020. – № 2 (30). – С. 75–85.
7. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Сочинения. Издание 2., Т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – 771 с.
8. Либих Ю. Химия в приложении к земледелию и физиологии. – М.–Л.: Сельхозгиз, 1936. – 407 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Второе издание. Т. 20. – М.: Антидюринг, 1961. – 828 с.
10. Smith A. Wealth of Nations, MetaLibri, 2007, 743 p.
11. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2, т. 4. – М.: Политиздат, 1955. – 615 с.
12. Петти Вильям. Экономические и статистические работы. Т. I – II / Перевод под ред. Смит М.Н. – Москва: Соцэкгиз, 1940. – 323 с.
13. Уилсон Томас. Государство Англии в 1600 году. Джентльмены и йомены: англичане в XVI–XVII вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: averrones.wordpress.com/2011/08/13/society/
14. Тарханов О.В. Теоретическая экономия – тупик классового подхода. – М.: Экономика, 2003, – 365 с.
15. Тарханов О.В. Плодородие без гумуса и удо-

брений // Химия и жизнь. – 2008. – № 3. – С. 24–27.

16. Тарханов О.В. О питании растений и плодородии почвы. Часть первая // Аграрный сектор. – 2016. – № 3 (16). – С. 48–54.

17. Тарханов О.В. О питании растений и плодородии почвы. Часть вторая // Аграрный сектор. – 2016. – № 4 (16). – С. 102–108.

18. Тарханов О.В. Кризис международной безопасности как следствие системы научных заблуждений // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2017. – № 3 (19). – С. 93–100.

19. Тарханов О.В. Основное средство

производства агроценоза: обоснование нового видения // Аграрная наука. – 2014. – № 7. – С. 13–14.

20. Тарханов О.В. Политическая экономия: причины расхождения с практикой // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2020. – № 3 (31). – С. 69–94. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2020-3-69-94>.

21. Тарханов О.В. Институциональная мера по преодолению научных заблуждений, препятствующих развитию экономики государства // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2019. – № 3 (27). – С. 69–76.

Статья поступила в редакцию 14 мая 2021 г.

Принята к публикации 21 июня 2021 г.

Ссылка для цитирования: Тарханов О.В. Полезность, прибавочная полезность и земельная рента: заблуждения и следствия // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2021. № 2(34). С. 100–116. DOI: <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2021-2-100-116>

Сведения об авторах:

ТАРХАНОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат технических наук, академик Международной Инженерной Академии, научный руководитель межведомственной лаборатории УГАТУ, директор и главный конструктор Башкирского научно-инженерного центра по технологии переработки органики, г. Уфа
e-mail: gelo-t@yandex.ru